

— Кровь и вино · Пролог —

Из-за отсутствия зелени 267-й окружной военной госпиталь зимой казался особенно безжизненным.

Было пять часов двадцать минут вечера, рабочий день подходил к концу, и в больничных коридорах почти никого не было.

Дверь Музея истории больницы внезапно с грохотом распахнулась изнутри. Врач в белом халате выбежал наружу, едва не врезавшись в уборщика, подметавшего пол у входа.

— Доктор Пэн? — окликнул уборщик, но ответа не последовало.

Ветер ранней весны был по-зимнему ледяным, и даже без снега холод пронизывал до костей.

Врач ворвался в аварийный выход поликлиники и, не останавливаясь, побежал вверх, пока не распахнул дверь кабинета заместителя главного врача на восьмом этаже.

Заместитель как раз принимал гостя. Аромат чая, наполнявший кабинет, внезапно смешался со сквозняком, и улыбки обоих застыли на лицах, когда они с изумлением уставились на незваного посетителя.

— Разве у тебя завтра не важная операция? — лицо заместителя потемнело. — Что с тобой происходит?

Было очевидно, что с врачом творится неладное: лицо его было покрыто потом, бледные губы судорожно подрагивали, а в широко раскрытых глазах застыл немой ужас. Его взгляд метался между заместителем и гостем.

— ...Пэн Ху, что случилось? — изменившись в лице, спросил заместитель. — Неужели в сегодняшних операциях была ошибка?

— Нет... нет... — врач вдруг схватился за живот, согнулся пополам и начал рвать.

Слёзы текли по его лицу, и, закончив, он, всхлипывая, продолжал кашлять и плакать.

— Операционная № 6... там кровь... — его голос был невнятным, то ли от страха, то ли от дурноты, всё тело тряслось. — На стенах и на полу... везде кровь...

Заместитель главного врача вскочил с места:

— Что ты говоришь?

— Много крови... много людей... — врач, подняв голову, смотрел на заместителя и безостановочно повторял эти слова.

Когда другие врачи и медсёстры увели Пэн Ху, заместитель был уже весь в холодном поту. Он смущённо посмотрел на гостя, не зная, что сказать.

— Сможет ли доктор Пэн провести операцию завтра? — гость, всё это время невозмутимо сидевший на диване, не выказал ни малейшего раздражения или беспокойства. Его слова звучали медленно, и каждое падало в тишину, как тяжёлый камень. — Мы разрешаем оперировать только ему, никто другой не подходит.

Проводив гостя с почтительными поклонами и извинениями, заместитель главного врача в одиночестве замер у входа в госпиталь, не в силах разгладить глубокую складку между бровей.

На самом деле слова Пэн Ху поставили его в тупик.

Потому что в этом госпитале не было операционной № 6.

— Кровь и вино —

Кизилы во дворе Кризисного бюро обычно начинали набухать бутонами в конце марта.

Эти десятки деревьев были местной достопримечательностью. Когда они цвели, это напоминало бесконечную золотую реку. Ходила молва, что фото на их фоне приносит денежную удачу, поэтому они пользовались особой любовью у вечно бедствующих сотрудников бюро.

Рабочее место Цинь Гэ находилось прямо у окна, за которым стоял ряд этих самых кизилов.

Но сейчас Цинь Гэ был не в настроении любоваться видом. Его стол представлял собой хаос из бумаг и канцелярских принадлежностей. Чернильница опрокинулась, и несколько незнакомых камней плавали в почти просроченных чернилах марки «Герой».

Цинь Гэ попытался поднять промокший лист, но чернила превратились в клейстер, намертво приклеив бумагу к столешнице.

Пришлось отрывать её клочьями.

[Протест против несправедливой системы брака!]

Без тени эмоций на лице Цинь Гэ швырнул первый лист в мусорную корзину.

[Мы хотим вступить в брак!]

Второй, изорванный в клочья, последовал за первым.

[Любовь и брак — основные права человека!]

Цинь Гэ с трудом, миллиметр за миллиметром, отдирает бумагу от стола.

Проходившая мимо Бай Сяюань с сочувствием посмотрела на него:

— Это подземные жители постарались?

— Угу, — буркнул он в ответ.

— Ты их чем-то обидел? — Бай Сяюань взглянула на текст. — Это же их заявление о регистрации брака?

— Угу, — снова последовал односложный ответ.

— Подземные жители, наверное, самые несговорчивые среди особых людей? — продолжила Бай Сяюань. — Я читала об этом в одном сплетничьем паблике.

На этот раз Цинь Гэ промолчал.

В мире, где сосуществуют обычные люди и особые люди, необходимы те, кто поддерживает порядок.

Кризисное бюро как раз и играло такую роль. Его полное название — Управление по чрезвычайным ситуациям и кризисным ситуациям. Оно занималось всеми вопросами, связанными с особыми людьми, и было весьма важным департаментом.

Но из-за того, что офис располагался в старом здании, окружённом коммерческими районами, жилыми кварталами и всевозможными закуточными, хроническая нехватка финансирования в сочетании с неэффективным управлением привела к тому, что только в этом году произошло несколько инцидентов с беспорядками, устроенными то подземными жителями, то полужомбированными людьми.

Прямо посреди зала обслуживания граждан зияла огромная дыра. Именно через неё подземные жители проникли внутрь прошлой ночью и устроили этот разгром.

Директор Кризисного бюро Гао Тяньюэ и начальник отдела охраны всю выисняли отношения.

Голос начальника охраны не мог тягаться в громкости с голосом Гао Тяньюэ, поэтому он вскочил на стул и, размахивая рукой, заорал:

— Я же тебе говорил, что под Кризисным бюро не всё в порядке! Если бы ты в прошлом году выделил деньги на устранение пустот, сейчас бы ничего такого не было! Гао Тяньюэ, ты, наверное, всё бабло себе в карман положил, обналичил, что ли!

На висках Гао Тяньюэ вздулись вены:

— Не гони пургу!

Уголок Цинь Гэ оставался островком тишины. На электронном табло над его головой бежали красные иероглифы: «Консультации по вопросам брака / Подача заявлений на партнёрство».

— Я никогда не видела настоящих подземных жителей, — сказала Бай Сяюань. — Они, наверное, очень упрямые?

— Угу, — Цинь Гэ принялся вытирать стол салфетками.

Бай Сяюань подождала, но, не дождавшись продолжения, спросила:

— У тебя рука дрожит? Это из-за них?

— Нет, — Цинь Гэ поднял на неё взгляд, и его тонкие губы выдали четыре слова:

— Это ты меня достала.

Бай Сяюань неловко хихикнула, схватила метлу и ретировалась.

Глаза у Цинь Гэ были особенными: радужная оболочка тёмно-карея, а зрачки — угольно-чёрные. Когда он молча смотрел на людей, его взгляд становился ледяным и пронизательным. Хотя он не был вспыльчивым, но всегда производил впечатление человека, с которым трудно найти общий язык.

Те, кто знал его поближе, понимали, что он просто был замкнутым. Друзей у него не было, хобби — тоже, и весь свой день он проводил, копаясь в пыльных архивах Кризисного бюро.

Скорее, чем трудным в общении, он был человеком, с которым большинство просто не знало, как общаться.

Закончив наводить порядок на столе, Цинь Гэ заметил, что начальник охраны уже вывесил на дверь объявление о приостановке приёма на один день.

...Нежданный выходной! Да ещё и без необходимости принимать посетителей!

Хотя внешне это было незаметно, настроение у Цинь Гэ резко улучшилось. Он даже позволил себе полсекунды полюбоваться на покрытые бутонами кизилы за окном.

Это был его последний день дежурства в зале обслуживания. Завтра он мог наконец вернуться в архив и продолжить свою обычную работу.

Для Цинь Гэ не было занятия интереснее, чем изучать исторические материалы, связанные с особыми людьми.

После хромосомных мутаций или заражения особыми вирусами обычные люди могли становиться так называемыми «особыми людьми»: подземные жители, полужомбированные люди, Стражи, Проводники, снежные люди, чайные мастера, Морские дети, оборотни...

И среди всех особых людей наибольшую долю составляли те, кто стал таковым из-за хромосомных мутаций: Стражи и Проводники.

Так называли две категории особых людей, обладающих чрезвычайно мощной психической энергией. Их главное отличие от обычных людей и даже других особых людей заключалось в том, что они от рождения обладали способностью материализовывать свой внутренний мир в виде определённого животного.

Этого материализованного партнёра они называли духовной сущностью.

Говорили, что сильный Страж или Проводник глубоко любил свою духовную сущность и гордился ею, мечтая продемонстрировать её при каждом удобном случае.

Но Цинь Гэ определённо не был таким.

Он был Проводником, но терпеть не мог выпускать свою духовную сущность наружу.

Этот малыш был до ужаса пугливым.

Цинь Гэ никогда не видел, чтобы духовная сущность могла расплакаться от шипения масла во фритюре. Он даже одно время думал, что с его головой что-то не так, раз у него появился такой трусишка, у которого смелости меньше, чем у инфузории-туфельки.

На стенах висело множество плакатов, и все они, без исключения, ругали Цинь Гэ. Он встал, чтобы их содрать, и взгляд его упал на доску объявлений, где висело несколько списков с поощрениями.

Во главе каждого списка красовалось одно и то же имя: Се Цзыцзин.

Цинь Гэ невольно скривил губы.

Как и ожидалось, после имени «Се Цзыцзин» следовал длинный перечень регалий: лучший Страж года Западного регионального отделения Кризисного бюро, передовой работник, две личные награды второй степени, четыре коллективные награды третьей степени и так далее, и тому подобное.

Этот Страж первого эшелона с Запада, Се Цзыцзин, в последние два-три года регулярно мелькал в наградных списках, привлекая всеобщее внимание. Говорили, что в первый же день работы в Кризисном бюро он был отправлен на службу у подножия снежных гор, где и просидел несколько лет.

<http://bllate.org/book/15560/1384397>